

РЕКОНСТРУКЦИЯ «СКРЫТОГО ДИАЛОГА» Н. КЛЮЕВА И С. ЕСЕНИНА: АНТИНОМИЯ ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ

Оксана Просяник

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков,
Харьковский национальный экономический университет
им. С. Кузнеця (УКРАИНА),
61166, г. Харьков, пр. Ленина, 9 а, e-mail: oxppros@gmail.com
UDC: 811.161.1'42 [Клюев+Есенин]

ABSTRACT

Prosiyanik Oksana. Reconstruction of "Implicit dialog" N. Klyuev and S. Yesenin: Life-Death Antinomy

The article presents the discussion on the comparative analysis of lexical paradigms, which form "Life-Death" antinomy in poetries of Sergei Yesenin and Nikolai Klyuev. The antinomies are examined from the perspective of them being contrary but nevertheless interrelated concepts that form the framework of a poet's worldview. Lexical paradigms, which are perceived as a text on the figurative-conceptual level, are described from the viewpoint of their structure, functions and interaction with other paradigms. Contrast of ideas and principles, which lie at the heart of both poets' worldviews, allowed to carry out the comparison of lexical structures of their works in order to establish the degree of similarity of both poetic systems. The comparative analysis of the both paradigms revealed peculiarities of both lexical structures along with their similarities.

Key words: text, lexical vocabulary, paradigm, antinomy, idiomatic style.

У статті представлено зіставний аналіз лексичних парадигм, що формують у поетичних творах Сергія Єсеніна та Миколи Ключова антиномію Життя – Смерть. Антиномії розглядаються як протилежні взаємопов'язані концепти, що утворюють каркас художнього світу поета. Лексичні парадигми, виділені на образно-поняттєвому рівні сприйняття тексту, описано з погляду їх складу, функцій і засобів взаємозв'язку з іншими парадигмами. Протилежність ідей та принципів, що лежать в основі художнього світу М. Ключова та С. Єсеніна, дозволила провести зіставлення лексичних структур їхніх творів з метою визначення ступеня близькості даних поетичних систем. Зіставний аналіз цих парадигм виявив риси своєрідності кожної з лексичних систем, що зіставлялись, а також риси їхньої подібності.

Ключові слова: текст, лексика, парадигма, антиномія, ідіостиль

Постановка проблемы Возвращение к наследию Николая Клюева, реанимация и признание значимости его творчества происходит постепенно. Почти полвека назад, в 1969 г. в Мюнхене выходит двухтомник его стихов под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Автор вступительной статьи Э. Райе высоко оценил творчество поэта, подчеркнул «единственность» Клюева «во всей русской литературе». Творчество Н. Клюева это актуальная тема исследований и для современных ученых. Вклад Н. Клюева, как и других крестьянских поэтов, в развитие и обогащение поэтического языка неизмеримо больше, чем он был определен советским и постсоветским литературоведением. Творческие связи разных поэтов новокрестьянского направления были достаточно тесными, поэтому, естественно, имело место взаимовлияние их творческих систем, в том числе и в области поэтического языка. Сергей Есенин по праву признается одним из самых значительных и влиятельных поэтов этой группы и его многое связывало с Николаем Клюевым, поэтому представляется закономерным сравнение их идиостилей, в частности – систем поэтической лексики.

Обзор литературы Литературоведческая наука исследовала связь творческих систем С. Есенина и Н. Клюева [1, 5, 6, 4, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 20, 21, 25, 26 и др.]. При этом выводы, к которым приходили ученые в разные периоды, были различными. Так, А.М. Микешин считал, что у С. Есенина, Н. Клюева и других новокрестьянских поэтов, несмотря на индивидуальность каждого из них, можно обнаружить «нечто родственное, позволяющее рассматривать их творчество в границах одного течения: близость мировоззрения, единство художественных исканий, ориентацию на фольклорно-кольцовские традиции» [14, с. 43]. Другие едва ли не все творчество С. Есенина склонны были рассматривать как спор с Н. Клюевым и в области эстетики, и в области идеологии [1, с. 206; 17, с. 253 и др.].

Творческая и духовная близость Сергея Есенина и Николая Клюева отмечается многими исследователями-литературоведами. Исследованию литературной и политической эпохи, оказавшей влияние на формирование взглядов новокрестьянских поэтов и на их судьбы, посвящены книги Станислава и Сергея Куняевых: «Жизнь и смерть поэта» [8] и «Сергей Есенин» [9], где представлена творческая и жизненная судьба Ганина, Есенина, Клюева. Авторы используют в работе большое количество архивных документов, проливающих свет на многие до сих пор до конца не раскрытые вопросы взаимоотношений Есенина и Клюева. Известный исследователь творчества поэтов Н.М. Солнцева пишет о признании самим Есениным влияния Клюева на его творчество: «По Есенину, лиричность – основа русского мироощущения, и эту основу он сделал принципом поэзии. Лиричность он ценил и в прозе, например в «Голом годе» Б. Пильняка («О писателях – “попутчиках”», 1924). Не отождествляя лиричность с меланхоличностью, слезами («В.Я. Брюсов», 1924), он признавался, что воспринял ее от А. Блока и Н. Клюева («О себе», 1925)» [23].

«Если Есенину открылось многое благодаря Клюеву («Ключи Марии» – одно из убедительных тому свидетельств), то, в свою очередь, и Клюев многое воспринимал и оценивал как бы через Есенина: неотступно думал о нем, жил его образами, болел его судьбой» [6, с. 191]. Т.К. Савченко в монографии «Сергей Есенин и его окружение» отмечает эффект постоянного соприсутствия, о котором Есенин писал Клюеву: «...всегда во мне ты присутствуешь» [22, с. 47]. Сам Есенин так определил характер своих отношений с Клюевым: «С Клюевым у нас завязалась, при всей нашей внутренней распре, большая дружба» [17, с. 250].

Согласимся с Л.А. Киселевой, которая писала о необходимости реконструкции «скрытого диалога» Н. Клюева и С. Есенина для решения вопросов, связанных с их творчеством, «при условии готовности отказаться от привычных штампов российского есениноведения» [6, с. 196]. Такая реконструкция требует проведения лингвостилистического анализа произведений С. Есенина и Н. Клюева в сопоставительном аспекте.

Новизна Обращение к сравнительно-сопоставительному анализу лексических парадигм, функционирующих в поэтических текстах, представляет собой нечастое явление в ряду научных изысканий. Интересным представляется сопоставление текстовых реализаций лексических парадигм в поэзии двух авторов (Н. Клюева и С. Есенина) и на основе этого сопоставления сделать вывод об особенностях их идиостилей.

Цель заключается в выделении и описании основных парадигм лексики поэтических произведений Н.Клюева с точки зрения их состава, функций и взаимодействия с другими парадигмами, а также в сопоставлении их с соответствующими парадигмами лексики С.Есенина для определения степени близости и расхождений поэтических систем и для выявления черт своеобразия каждого из сопоставляемых идиостилей.

Актуальность определяется тем, что лексика идиостилей поэтов так называемого «новокрестьянского» литературного направления нач. XX в. недостаточно изучена, что является существенным недостатком при описании особенностей языка русской поэзии нач. XX в.

Теоретическая база исследования Методологической базой исследования служит диалектико-материалистическое представление о связи действительности, мышления и языка, выработанное в классической лингвистике [2, 3, 18] и уточненное в работах современных ученых [16, 19 и др.]. Нами принимается функциональный подход, при котором

текст рассматривается не как автономно существующее образование, а в связи с особенностями его восприятия, как единица коммуникативного акта автор – текст – читатель. Содержание текста исследуется не как «заложенное» в нем раз и навсегда автором, а как формирующееся в сознании читателя в процессе восприятия текста. Содержание художественного текста, следовательно, рассматривается как сотворчество автора и читателя и не является постоянным. Оно инвариантно и в то же время вариативно. Основы указанной разновидности функционального подхода к анализу текста подробно описаны в работах Залевской А.А., Богина Г.И., Правдина М.Н., Степанченко И.И. и др.

Понятие в поэтическом тексте определяется как «предметными», так и вербальными образами, причем, как правило, не одним, а целым рядом, системой. Такой ряд вербальных образов может быть назван парадигмой. Парадигму образуют не слова, относящиеся к определенной языковой лексико-семантической группе (ЛСГ) или синонимическому ряду и т. п., а языковые единицы, определяющие одно понятие или один поэтический образ в художественном тексте. Связи между этими единицами, а также между парадигмами определяются не языком, а процессом понимания текста. В принципе, они могут определяться и языком (грамматическими связями между отдельными членами парадигмы), но это частный случай, при котором противопоставление парадигматики синтагматике становится относительным.

Таким образом, основным принципом выделения парадигмы является существующее противоречие между линейно расположенными единицами текста и «реальными связями между этими элементами в речемыслительном процессе» [25, с. 32].

В тексте собственно языковые связи и образно-понятийные связи сложно взаимодействуют между собой. С одной стороны, восприятие текста, прежде всего, происходит на языковом уровне, поскольку предметом восприятия являются последовательности звуковых или буквенных единиц, связанные друг с другом по законам данного языка. Восприятие текста на языковом уровне является по преимуществу синтагматическим, поскольку связи, устанавливаемые между единицами, носят линейный характер. Восприятие же текста на образно-понятийном уровне носит более сложный характер. В рамках принятой в исследовании разновидности функционального подхода в одну систему включаются единицы, не связанные между собой на языковом уровне, поскольку законы, лежащие в основе формирования парадигмы, иные, не являющиеся собственно языковыми.

На образно-понятийном уровне могут быть связаны между собой слова (или более крупные языковые единицы), находящиеся, например, в конце и в начале текста. В состав одной парадигмы могут быть включены и слова, связанные синтагматически. Чем большее количество таких связей будет установлено реципиентом, тем более глубоким является понимание данного текста. При этом реципиент «создает» свое содержание текста, воспринимая так или иначе организованную автором материальную форму. Поэтому ошибочным было бы считать, что формирующееся в сознании воспринимающего содержание никак не связано с авторским замыслом, ибо одни и те же слова у автора и читателя вызывают сходную, но в то же время не совпадающую полностью реакцию. При этом степень расхождения авторских и читательских ассоциаций зависит не только от личностных качеств писателя и реципиента, но и во многом от сложности организации формы текста.

По мнению И.И.Степанченко, «лексические парадигмы могут быть рассмотрены на образно-понятийном уровне с трех точек зрения: функций, состава и средств пересечения» [25, с. 35]. Рассматривая параметры анализа подробнее, следует отметить, что состав лексической парадигмы во многом определяет особенности ее функционирования, а функции, в свою очередь, невозможно определить без установления связей между языковыми единицами. В состав лексической парадигмы могут включаться не только единичные слова, но и словосочетания, группы слов и целые предложения, определяющие соответствующее понятие. Еще одним важным признаком, который может быть положен в основу анализа лексических микросистем, является функция. Любая лексическая микросистема не может быть рассмотрена вне выполняемых ею в произведении функций, поскольку связь лексем с определенной функцией – это, по существу, связь формы и соде-

ржания, а анализ поэтических средств вне содержательных функций невозможен. Парадигмы могут выполнять различные функции, например, функцию единения человека и природы, противопоставления, объединения и т.д. Кроме указанных функций, парадигмы могут формировать различные мотивы стихотворения, например, мотив тоски по родине. Выделенные в ходе анализа парадигмы могут быть взаимосвязаны по-разному. «Узлы пересечения» парадигм вычлняются как на языковом, так и на образно-понятийном уровнях. Синтагматические отношения являются одним из наиболее частотных средств взаимодействия лексических парадигм. Кроме этого, лексемы, находящиеся в синтагматических отношениях, могут входить в состав одной и той же парадигмы. Например, в строках *я узнаю косынки кайму, / голосок с лежковейной походкой...* (Н.Клюев, «В златотканые дни сентября...») – взаимодействуют парадигмы *Лирический герой (я, узнаю)* и *Мать (косынки кайму, голосок, походкой)*. Чтобы продемонстрировать средства взаимосвязи с опорой на языковую синтагму, необходимо проанализировать метафору, сравнение, олицетворение, символ. Например, «шмелиной цитрой меж цветов тельнекают воспомина- нья», «звонче топоры поют перед рассветом» (взаимосвязаны парадигмы *Мир человека и Природа*), «в глазницах воск да росный ладан» (взаимосвязаны парадигмы *Человек и Религия*). Метафорические синтагмы являются более сложными с точки зрения восприятия текста средствами взаимосвязи. Например: «заломила черемуха руки», «ткчиха-метель напеваает в окно», «дымится пень, ему лет со сто, он в шапке, с сивой бородой» (взаимосвязаны парадигмы *Мир человека и Природа*), «сосны молятся» (парадигмы *Религия и Природа*), «водяник прядет кудель» (парадигмы *Быт и Неведомое*).

Средство взаимосвязи парадигм, как правило, определяет степень сложности и вариативности восприятия текста. В неметафорических синтагмах и сравнениях языковые и образно-понятийные связи совмещаются в большей степени, чем в метафоре. Символы и метафорические синтагмы воспринимаются с большей степенью вариативности, чем сравнения и олицетворения [25, с. 65].

Итак, методика анализа лексики строится на основании таких признаков лексических парадигм, как состав, функции и средства пересечения.

Основанием для сопоставления лексики С. Есенина и Н. Клюева служит не только совпадение времени написания произведений поэтов, но и общность проблематики их стихов. Как и у С. Есенина, противопоставления *Жизнь – Смерть, Прошлое – Настоящее, Молодость – Увядание* и др. являются ведущими в творчестве Н. Клюева, хотя характер этих противопоставлений в творчестве каждого из поэтов различен. Антиномии выделяются на образно-понятийном уровне содержательной структуры текста с целью определения общих и отличительных черт лексических систем идиостилей.

Сопоставление лексических микросистем в идиостилях С. Есенина и Н. Клюева будет представлено на материале отдельных произведений, отдельных парадигм и ряда парадигм, реализующих в творчестве одного и другого поэта антиномию *Жизнь - Смерть* и сходные мотивы.

В творчестве «олонецкого ведуна» Клюева воссоздавалась народная картина мира, несущая в себе коллективное мифологическое сознание. Среди разнообразия языческих представлений народа на первый план выходят образы крестьянского быта и бытия: *Имба, Печь, Очаг, печной Огонь, Вода, Ковш, Божница, Коврига*. Реалии крестьянской жизни в произведениях Н. Клюев сводит к «обожению», они приобретают сакральный характер. Переосмысляя традиционные образы, Н. Клюев создает свою шкалу мифологических персонажей. Мифологические персонажи (домовой, леший, черт, сатана) являются не главными героями стихов поэта, а фрагментами его воспоминаний детства, сновидений и одновременно составляющими его картины мира, в котором каждый предмет, каждое явление может относиться как к старообрядчеству, так и к язычеству. Категории «пространство и время» в творчестве Н. Клюева также мифологизированы. Поэт создает свой образ мифического времени. Круговорот, движение человеческой судьбы – главная функция мифологического времени. Он соотносен с образом богини судьбы, ткущей нить жизни.

Мечта о жизни в мире художественно воплотилась у поэта в дальнейшее развитие федоровской идеи победы добра над злом, прощания врагов своих и превращения их в

друзей, утопического описания будущего «золотого» века. В целом же стихи Н. Клюева, проникнутые гармонией христианского идеала и картинами крестьянского «избяного Рая», выражают оптимистическую авторскую позицию в понимании Жизни и Смерти, несут веру в Возрождение.

Антиномия *Жизнь – Смерть* в произведениях С. Есенина развивается в основном в 1914-1916 и в 1920-1922 гг. «В первой группе антиномия ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, как правило, не касается судьбы лирического героя, во второй – относится преимущественно к лирическому герою» [25, с. 109]. Антиномия в произведениях Н. Клюева развивается на протяжении всего творчества, претерпевая различные изменения и по-разному определяя место лирического героя в окружающем его мире.

В рассматриваемых стихотворениях Сергея Есенина константной лексической парадигмой является парадигма *Оценка*. Основными парадигмами являются следующие: *Природа, Лирический герой, Любимая, Религия*. Единичными, то есть встречающимися один раз, являются парадигмы *Родной край, Окружающий мир, Музыка и Расставание*. Состав парадигм, формирующих данную антиномию, оказывается довольно разнообразным.

Практически таким же является набор парадигм в клюевских произведениях: константная парадигма – *Оценка*, частотные парадигмы – *Лирический герой, Природа, Смерть, Религия*. Отличными от есенинских являются единичные парадигмы в стихотворениях Клюева: *Семья, Мы, Вы, Чужое, Родное, Неведомое, Крестьянский быт, Городской быт*.

Обратимся к сопоставительному анализу парадигм *Природа* в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева. Состав природной парадигмы в стихотворениях обоих поэтов различен. Клюевская лексика отображает реалии мира дикой, лесной природы, есенинская же лексика – реалии мира человека. Например, если у Н.Клюева преобладают слова типа: *болото, бор, тропа лесная, ручей, лес, шишек, смоль, елка, мухомор, твари*, то у С.Есенина: *овин, мельница, поля, злак овсяный, межа, лошади, кони*. В природной парадигме С.Есенина отмечено наличие зоонимов (10% от общего количества), причем это названия исключительно домашних животных, а в клюевской парадигме, наоборот, только названия лесных зверей и птиц (9% от общего количества). Для примера: у С.Есенина – *конь, собачий, лошади*, у Н.Клюева – *чирок, сорочий, пташек, совенка, белка*. Только однажды встречаем у Н.Клюева лексему *жеребята*. В двух сравниваемых парадигмах функционирует лексика скорее с абстрактным началом, чем с конкретным. Например, *гарь, гречневые просторы, стужа, сиреневый дым* (у Есенина), *закат, рассвет, листопад, вечер, пуца, туча, осень* (у Клюева), что позволяет отнести стихотворения к преимущественно концептуальному типу. Таким образом, есенинский лирический герой живет в мире города, герой Н.Клюева – в мире природы. «...лирический герой Клюева – «хозяин», чувствующий равномерный и радостный приток тепла от окружающей живности...» [28, с. 107].

Колоративная лексика ограничивается несколькими цветами как в клюевской, так и в есенинской парадигмах. Это слова *зеленя, голубое, синь, золотая, сиреневый* в есенинских стихотворениях, *зеленя, синь, синева, просинь, голубой, синие, багряно-золотой, белый* – в клюевских, связанные с основными цветами природных явлений. Среди цветовых слов преобладает синий цвет – цвет неба, цвет церковного купола. К цветовому ряду синего цвета примыкают такие определения, как *голубой, сиреневый*, а также имена *синь, синева*. Золотой – синий – зеленый у Николая Клюева передают не только колорит родного поэту северного края, но и цветовую гамму православной иконы. Исследователь В. Лепахин анализирует цветоименования в произведениях Лермонтова и Есенина и находит, что в их творчестве синий цвет «приобретает глубокое символическое значение – это несказанное, божественное, а вместе с тем – нежное, душевное, родное, человеческое» [10].

Константная парадигма *Оценка* в стихотворениях С. Есенина разнофункциональна. Она либо сливается с другими парадигмами, либо взаимосвязана с ними, либо, функционируя самостоятельно, является одним из признаков концептуальности текста (например, стихотворение «Песнь о хлебе»). В стихотворениях о животных оценочная парадигма

«формирует в сознании читателей ту эмоциональную почву, которая в более поздних стихотворениях трансформируется в атмосферу надрыва» [25, с. 111] – «Корова», «Лисица», «Песнь о собаке». В состав есенинской оценочной парадигмы включены имена и глаголы, причем соотношение глаголов и глагольных форм и имен является равным. В парадигме *Оценка* процессуальность как характеристика глагола включает в себя значения физического и душевного состояния лирического героя (*излюбили, полюбил*), изменение состояния (*поблекли, промокли*) и деятельность органов чувств (*не гляди*). Присущие глаголу грамматические категории времени, залога, наклонения показывают характер протекания действия во времени, показывают действие или состояние как процесс реальный, предполагаемый, желаемый и т.д., например: *бил, скуля, бросят камень в смех, покатались глаза собачьи, сердце шепчет, я с собой не покончу, пришел на землю, чтоб скорей ее покинуть* и т.п. Практически все имена, входящие в состав парадигмы, имеют негативные коннотации: *жестокость, людоедка, яд, рана, хмурый, дряхлая, петля на шее, сердца просты, стерва, темь и жуть, в душе печаль* и т. п., свидетельствующие об угнетенном душевном состоянии лирического героя. В последнем стихотворении С. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья» (1925) антиномия «окончательно снята, разрешена в пользу кончины» [25, с. 122].

В отличие от есенинской, клюевская парадигма *Оценка* содержит большое количество сравнений, выраженных именем в творительном падеже (*ручьями полесными, брагою, веткою*), сравнительной степенью имени прилагательного (*пушистее кудели, слаще девичьих бус*), словом-заменителем (*море, кит, не село*), а также при помощи сравнительного союза *как* (*как смерть, как невод*), который является одним из факторов, облегчающих восприятие сравнения как средства взаимосвязи парадигм. Сравнения выполняют в тексте двоякую функцию: «усилительную и функцию оценочной характеристики, поскольку через сравнение поэт выражает свое отношение к предмету мысли. Таким образом, в сравнениях реализуется одновременно и эмоциональность, связанная с образным потенциалом сравнения, и модальность, обусловленная авторской оценкой называемого» [25, с. 97]. Клюевские сравнения далеко не нейтральны – именно в сравнениях проявляется весь Клюев: и неистовый радетель природы, и внимательный ее наблюдатель, и непримиримый борец за нее, и ее глубокий знаток. В оценочной парадигме Н. Клюева нет ни одного глагола, что свидетельствует о приоритете предметности: в ее составе имена, обозначающие сущности природного мира. Частотное использование сравнений для расстановки авторских акцентов в творчестве Н. Клюева является чертой его идиостиля.

Сопоставительный анализ парадигмы *Любимая* в стихотворениях Н. Клюева и С. Есенина показал принципиальную разницу как в ее составе, так и в выполняемых ею функциях. Есенинская парадигма *Любимая* включает в свой состав лексику, описывающую конкретную женщину, например, *поила коня, лукавая улыбка, молодая красивая дрянь, сука, простыня, любовь-зараза*. Преобладание отрицательнооценочных характеристик демонстрирует противоречивую оценку женщины самим лирическим героем. Использование бранной и вульгарной лексики в парадигме *Любимая* создает атмосферу надрыва, свойственную для идиостиля С. Есенина.

В научных исследованиях творчества Н. Клюева высказывается мнение о том, что «женские персонажи вообще редкость в поэзии Клюева», а «женское начало, как правило, трансформировано в иные явления женского рода: Россия-мать, мать-изба, мать-суббота, жизнь-праматерь, мать-земля, мать-природа, мать-печь, мать-дуброва». В таком утверждении много справедливого, хотя исследования последних лет показывают обратное. И все-таки преобладающей ипостасью образа любимой в творчестве Клюева выступает ипостась не конкретной земной женщины, крестьянки, а некий собирательный образ женщины. «Женские образы в поэзии Н. Клюева достаточно значимы, женские имена (Прасковья, Настенька, Дарья, Маланья, Арина, Лукерья и др.) – клюевые для творчества поэта. В то же время женщина в поэзии Клюева часто собирательный, предельно обобщенный образ. Использованные поэтом имена реальных женских прототипов подвергаются в текстах поэта метафоризации, новому образному осмыслению, приобретают символическое звучание» [24, с. 172]. Клюевская парадигма *Любимая* состоит из ле-

ксики, характеризующей абстрактный собирательный образ женщины-любимой, но более женщины-матери, которую лирический герой любит не земной чувственной любовью, а обожествленной любовью: например, стихотворение «Посмотри, какие тени»: *у тебя глаза, как свечи / в полусумраке часовни*; стихотворение «Холодное, как смерть, равнинной бездыханной»: *избушка ветхая на выселке угрюмом / тебя, изгнанницу святую, приютит...*

Парадигма *Религия* в стихотворениях С. Есенина и Н. Клюева примерно одинакова по количественному составу (14 и 10 лексем соответственно), но совершенно различна по качественному. В есенинской религиозной парадигме функционируют исключительно имена, выполняющие функцию соотнесения с потусторонним миром (*нездешние, без светил* (звезд. – О.П.), *рок, немая тьма, бездна, покой, тихая тайна*), а также функцию подкрепления стороны антиномии *Жизнь* (*обедня, кадящие, свеча, воск, панихидный*). В клюевской религиозной парадигме функционируют как имена, так и глаголы. Функцию объекта любви лирического героя выполняет следующая лексика: *кладбищенской сторожки, дальний звон, с крестиками, заклатья*, введенная в повествование – своеобразное признание в любви – словами *я люблю* («Я люблю цыганские кочевья»). Автор перечисляет вещи, занимающие важное место в его миропонимании. Функцию подкрепления мысли о том, что природа – это храм на земле, выполняет следующая лексика: *посохом, рясой, припасть, помолиться, вечера, прозреет: я не с железом к вам иду, / дружась лишь с посохом да рясой, / но чтоб припасть в слезах, в бреду / к ногам березы седовласой. / чтоб помолиться лику ив, / послушать пташек-клирошанок... / как сладко брагою лучей / на вашей вечера упиться, / прозреет, что веткою в ручей / душа родимая глядится!* («Не в смерть, а в жизнь введи меня») Кроме имен, выполняющих назывную функцию, автор использует и глаголы, обозначающие действие или состояние как процесс. Таким образом, парадигма *Религия* в произведениях С. Есенина и Н. Клюева многофункциональна и разнофункциональна. Наличие только имен в парадигме С. Есенина свидетельствует о ее назывном характере, придающем ей черты некоторой статичности. Глаголы в клюевской парадигме придают ей черты динамичности, активности.

Главное отличие клюевской парадигмы *Лирический Герой* от есенинской – это характер лексики, входящей в состав парадигмы. У Н. Клюева – это лексемы, характеризующие лирического героя, например: *мне 25, паренек, подбородок, бровь, усов, я пригож, пальцев хруст, одинокого меня, мои рыдания*. Проективность клюевской парадигмы *Лирический Герой* обеспечивают имена. У С. Есенина же парадигму составляют слова и выражения с концептуальной нагрузкой: *ничего не оставлю никому, захлебнуться бы в этом угаре, искал счастья, а гибель нашел; рук роковой размах*. Ее функции различны: в одном случае парадигма соотносит другие парадигмы, то есть является средством их взаимосвязи, в другом случае – парадигма является признаком концептуальности текста, а в третьем – она присутствует как выражение отношения к смерти. Таким образом, парадигма *Лирический Герой* в стихотворениях Н. Клюева включает лексику, характеризующую портрет лирического героя, есенинская же парадигма состоит из лексики, характеризующей внутреннее состояние лирического героя.

Результаты исследования Рассмотрев состав и функционирование основных парадигм, реализующих антиномию *Жизнь – Смерть* в произведениях Н. Клюева, и сравнив их с есенинскими парадигмами, можно говорить о том, что центральной константной парадигмой в стихотворениях С. Есенина является парадигма *Оценка*, в стихотворениях Н. Клюева две константные парадигмы – *Оценка* и *Природа*. В составе основных лексических парадигм, реализующих антиномию *Жизнь – Смерть* в стихотворениях Н. Клюева и С. Есенина, сходства не наблюдается. Лексика, входящая в состав парадигм, разнится и по количественному, и по качественному признаку. Состав парадигм, формирующих есенинскую и клюевскую антиномию, является довольно разнообразным, что свидетельствует о богатой поэтической ткани произведений, различной во многом у обоих поэтов поэтов. Природная парадигма в стихотворениях обоих поэтов различается по составу. В клюевской парадигме *Природа* функционирует лексика, отображающая реалии дикой лесной природы, в есенинской парадигме – реалии природы, находящейся ближе к миру

человека. Эта же черта присуща и зоонимам, входящим в состав природной парадигмы: у Н. Клюева в стихотворениях героями являются только лесные звери и птицы, тогда как у С. Есенина – только домашние животные. В стихотворениях обоих поэтов природная парадигма разнофункциональна. Парадигма *Оценка* в стихотворениях С. Есенина выполняет более разнообразные функции, чем в произведениях Н. Клюева, и придает текстам концептуальный характер: сливается с другими парадигмами, либо взаимодействует с ними, является признаком концептуальности текста, формирует эмоциональную почву для атмосферы надрыва, присущей есенинскому идиостилю. Есенинская парадигма *Любимая* описывает конкретную земную женщину, тогда как у Н. Клюева это – абстрактный собирательный образ женщины. Это объясняется тем, что женщина как поэтический образ занимает принципиально разное место в структуре поэтического мира обоих поэтов: женщина как конкретный образ у С. Есенина и женственность как первооснова всего сущего у Н. Клюева. Парадигма *Лирический Герой* в стихотворениях Н. Клюева включает лексику, характеризующую портрет лирического героя, есенинская парадигма *Лирический Герой* состоит из лексики, определяющей внутреннее состояние лирического героя.

Выводы Данное исследование было ориентировано на анализ лексики. Более детальное рассмотрение других уровней поэтической речи, таких, как ритмика, фоника, синтаксис и т. д., возможно, позволит дать более точный ответ на вопрос о связи Н.Клюева и С.Есенина в области поэтики, о характере их «внутренней распри». «Изучив природу этого взаимодействия, мы, возможно, сумеем приблизиться к пониманию культуры, ушедшей безвозвратно, но оставившей следы своей *“самоцветной крови”* [5] в литературе XX века».

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанов В.Г. Друзья-недрузи. (Сергей Есенин и Николай Клюев) / В.Г.Базанов // Север. – 1981. – № 9. – С. 95-119.
2. Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода / В. Гумбольдт. – СПб, 1859. – 366 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры: Пер. с нем. / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
4. Доманский В. А. Нарым (Клюев в Сибири): Поэма и очерк / В.А. Доманский. – Томск: 2003. – 62 с.
5. Киселёва Л.А. Есенинское слово в текстах Николая Клюева / Л.А. Киселева // Canad.-Amer. Slavic studies = Rev. canad. d'Etudes slaves. Irvine (Cal.), 1998.— Vol. 32. № 1-4.— P. 75-92.
6. Киселева Л.А. Есенин и Клюев: скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) / Л. А. Киселева // Николай Клюев: Исследования и материалы. – М.: Наследие, 1997. – С. 183-198.
7. Кравченко Т. Наследие комет: неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре / Кравченко Т., Михайлов А. – М.: Территория, 2006. – 301 с.
8. Куняев С. Ю. Жизнь и смерть поэта (о судьбе Алексея Ганина) / С.Ю. Куняев // Вопросы литературы. - 1990. - № 6. - С. 140-154.
9. Куняев Ст. Сергей Есенин / Ст. Куняев. – М.: Мол. Гвардия, М.: 2007. – 656 с.
10. Лепяхин В. Цветонаименование в русских частотных словарях и в произведениях Лермонтова и Есенина / В. Лепяхин // Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Akademia ress, 2004. – S. 69.
11. Маркова Е.И. Образ Купины в прозе Н. Клюева и С. Клычкова / Е.И.Маркова // Жизнь и творчество Сергея Антоновича Клычкова (1889–1937). Международ. науч.-литер. чтения. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2009. – С. 32–33.
12. Маркова Е.И. Певец потаённой России. Интервью / Е.И. Маркова // Север. - № 9+10. – Петрозаводск, 2009. – С. 95–100.

13. Маркова Е.И. Полемика Николая Клюева и Сергея Есенина в свете калевальского сюжета о состязании певцов / Е.И. Маркова // Сергей Есенин и мировая культура. М.–Константиново–Рязань, 2008. С. 245–253.
14. Микешин А.М. Исторические судьбы революционного романтизма в русской поэзии эпохи Октября: Учебное пособие. – М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина, 1985. – С. 42-76.
15. «Николай Клюев. Словесное древо». (Сост. В. Гарнин). СПб.: Росток, 2003. – 688 с.
16. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В.З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 358 с.
17. Перцов В.О. «Внутренняя распря» Есенина с Клюевым» / В.О. Перцов // От свидетеля счастливого. – М.: Современник, 1977. – С. 250-274.
18. Потебня А.А. Собр. трудов: Мысли и язык / А.А. Потебня // Сост. Ю.С.Рассказов, О.А.Сычев. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
19. Правдин М.Н. Анализ содержательной структуры текста / М.Н. Правдин // Сб. научн. трудов / МГНИИЯ им. М. Тореца. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 91-102.
20. Розанов И.Н. Есенин и его спутники / И.Н. Розанов // Есенин: Жизнь. Личность. Творчество. – М., 1926. – 149 с.
21. Розанов И.Н. Крестьянские поэты / И. Н. Розанов. – М., 1927. – 84 с.
22. Савченко Т.К. Сергей Есенин и его окружение: Литературно-творческие связи. Взаимовлияния. Типология: Дис... д-ра фил. наук: 10.10.02. – М., 1991. – 546 с.
23. Солнцева Н.М. Есенин и Клычков / Н.М.Солнцева // Поэтика и проблематика творчества С. А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. – Москва - Рязань, 2009 – С. 240-255.
24. Смольников С. Н., Яцкевич Л. Г. На золотом пороге немеркнущих времен: поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева / С.Н. Смольников, Л.Г. Яцкевич. – Вологда: Русь. 2006. – 262 с.
25. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина: анализ лексики / И.И. Степанченко. – Харьков: ХГПИ, 1991. – 189 с.
26. Субботин С.И. «Слышу твою душу...»: Николай Клюев о Сергее Есенине // В мире Есенина: Сб. ст. / Сост. А.А.Михайлов, С.С.Лесневский. – М.: Сов. писатель, 1986. – С. 506-522.
27. «Я певец славянский Клюев...»: Клюев. Заонежье. Крестьянская цивилизация: Сб. материалов к Всероссийскому празднику поэзии Николая Клюева. — Петрозаводск: КРОО «Театр поэзии КРЕДО», 2010. — 104 с.
28. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной. – М.: Высшая школа, 1990. – 300 с.
29. XXI век на пути к Клюеву: материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», посвящённой 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Клюева, 21-25 сентября 2004 г. / Сост. и науч. ред. Е. И. Маркова. Петрозаводск: 2006. 371 с.